

*С.С. Бытко**Нижевартовский государственный университет*

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В РОМАНЕ П.И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО «В ЛЕСАХ»

Целью статьи является рассмотрение особенностей восприятия П.И. Мельниковым-Печерским образовательных традиций заволжских старообрядцев. В рамках исследования автор обращается к биографическому, культурно-историческому и сравнительно-историческому методам. Устанавливаются источники формирования представлений писателя о роли книжности в повседневной жизни «раскольников». Выясняются любопытные подробности образовательной модели староверов, а также определяются основные пути распространения грамотности в среде «ревнителей древнего благочестия». Описывается социальное положение начетчиков, раскрывается их роль в организации религиозно-бытовой жизни старообрядческих общин. Делается вывод о весьма неоднозначном отношении П.И. Мельникова к образовательным традициям «старолюбцев». Писатель отмечает крайнюю догматизированность и односторонность старообрядческого образования, базирующегося на патриархальных нормах древнерусских школ и отрицающего достижения современной цивилизации. Одновременно с этим он указывает на положительные черты староверческой интеллектуальной традиции – высокую культуру чтения, сохранение этноконфессионального самосознания воспитанников, а также благотворную роль в деле преодоления безграмотности простонародья.

П.И. Мельников-Печерский, образование, книжность, Псалтырь, Часослов, Азбуки, старообрядцы, грамотность.

Интерес П.И. Мельникова к старообрядчеству был в немалой степени обусловлен его увлеченностью русскими древностями и памятниками старины [2, с. 27]. Павел Иванович был известным знатоком иконописи, огромное внимание он уделял и книжному наследию староверов. Страстная охота за рукописными памятниками увлекла Мельникова еще в начале 1840-х гг. Для изучения духовного наследия старообрядцев писатель обращался к кириллическим собраниям духовной семинарии, Спасского собора, Благовещенского и Вознесенского монастырей Нижнего Новгорода [8, т. 1, с. 79]. Позднее он предпринял несколько служебных поездок по Волге, в ходе которых существенно расширил свои познания о старообрядческой книжной традиции [1, с. 329, 337].

В 1857 г. Мельникову поручается составление подробного историко-догматического изложения верования различных старообрядческих согласий. При этом Павел Иванович получает доступ к рукописям Императорской Публичной библиотеки, Румянцевского музея, а также архива Министерства внутренних дел. В 1858 г. появилось Высочайшее повеление о составлении подробного описания текущего состояния «раскола» в России, и П.И. Мельникову, наряду с прочим, было поручено собрать сведения об уровне образованности старообрядцев, способах распространения среди них грамотности, о читательских интересах «раскольников» и путях приобретения ими книг. Павлу Ивановичу также предписывалось заняться скупкой наиболее ценных книжных реликвий, на что ему было выдано 152 рубля [8, т. 1, с. 114–115, 178]. После отставки с поста министра внутренних дел

С.С. Ланского в 1861 г. финансирование изучения «старообрядческого вопроса» сворачивается, а ранее собранные Мельниковым этнографические материалы становятся базой для его литературного творчества.

В романе «В лесах» Павел Иванович не раз указывает на широкое распространение грамотности среди староверов: «...за Волгой грамотеи издавна не в диковину...». Писатель отмечает, что обучение сыновей грамоте для старообрядцев было столь же необходимой частью воспитания, как и приучение дочерей к рукоделию [8, т. 3, с. 33; т. 6, с. 368]. Так, описывая последователей синодальной церкви, происходивших из общественных низов, Мельников нередко вкладывает в их уста самоуничижительные замечания о собственной неграмотности. Совершенно иначе высказываются о себе в произведениях П.И. Мельникова-Печерского староверы, скромно замечаящие, что, владея грамотой, они не являются начетчиками. Заметим, что встреченная Потапом Максимычем в лесной глуши артель лесорубов страдает от нехватки грамотных людей. Весьма примечательно, что данный факт напрямую коррелирует с религиозной проблематикой. Так, немалую часть представленной трудовой общины составляли «никониане», а входившие в ее состав «старолюбцы» слабо держались «отеческих заветов» и весьма вольно исполняли бытовые предписания «старой веры» (Там же, т. 2, с. 309; т. 3, с. 305).

Показательно, сколь реальное положение староверия контрастировало с укоренившимися в сознании дворянства стереотипами о повальной безграмотности русского простонародья. Такие стереотипы можем обнаружить в рассуждениях Прасковьи Петровны из

повести «Бабушкины рассказы», с удивлением вопрошавшей: «Ну с какой стати мужику грамоте уметь?» [8, т. 2, с. 289]. Вместе с тем, Павел Иванович был вынужден отмечать зачастую весьма ограниченный кругозор и поверхностность образования старообрядцев. Так, игумен Красноярского скита Михаил признается Потапу Максимычу, что при всей своей начитанности в духовной литературе он совершенно не сведущ в грамматике и философии. В свою очередь, родители Сергея Андреича Колышкина, будучи фанатически преданными «старине», яростно отвергали гражданскую грамоту, аргументируя это тем, что она не одобрена в трудах отцов церкви и пошла в мир от антихриста. «Цифирную мудрость» отец Колышкина и вовсе называет «наукой богоотводной» (Там же, т. 3, с. 349, 377).

В первой части своей фундаментальной дилогии Павел Иванович раскрывает множество путей распространения грамотности среди «раскольников». Семейное образование в среде староверов, по всей видимости, было ведущим способом передачи грамотности подрастающему поколению. В частности, Сергея Колышкина, происходившего из небогатой «кержацкой» семьи, обучал собственный отец. Немалую роль в этом играли и представительницы женского пола, особенно из числа пожилых членов семьи. Так, отошедшая от трудовых забот Никитишна посвящает свою старость воспитанию и обучению внуков (Там же, с. 113, 377).

Нередко образование на дому дети получали от грамотных старообрядцев, не входивших в семейный круг. Так, П.И. Мельников упоминает о том, что имевшие финансовый достаток староверы содержали при своих домах старух-келейниц, в обязанность которым вменялось обучение хозяйских детей. Известно также, что старообрядческие скиты могли отправлять своих «читалок» в дома зажиточных «раскольников» для обучения их детей грамоте в обмен на щедрое пожертвование в пользу обители. По всей видимости, данные процессы приобретали системный и хорошо отлаженный характер, поскольку вместе с приезжавшей в дом зажиточного благодетеля послушницей обитель в обязательном порядке высылала набор необходимых для обучения книг и принадлежностей (Там же, т. 4, с. 12; т. 5, с. 77).

Несмотря на свои явные недостатки (поверхностность, крайняя догматизированность, отсутствие официального свидетельства об окончании образования), домашнее обучение обладало рядом существенных преимуществ. К таковым следует отнести отсутствие формализма и государственных требований к идеологической составляющей образовательного процесса, возможность сохранения конфессиональной идентичности воспитанников, а также широкий потенциал для педагогического творчества наставника [7, с. 66–67, 69].

В своем повествовании Мельников акцентирует внимание читателей на любопытных деталях образовательного процесса. Так, указывается обыкновенный возраст, в котором дети «староверцев» начинали овладевать грамотой – 7 лет. Подробно описаны книги, служившие пособиями в развитии их читательских навыков. По словам Мельникова, обучение начина-

лось с изучения Букваря, следом шло освоение Часослова. К десяти годам ребенок подходил к чтению Псалтыря. После этого для большинства рядовых староверов образование оканчивалось [8, т. 3, с. 113, 377].

Более обширные знания дети старообрядцев могли получить непосредственно в скитах, где усвоение книжной культуры происходило под пристальным контролем местных и приглашенных из других регионов страны начетчиков. Так, в обители матери Манефы дочери Потапа Максимыча «затвердили» Часовник и Псалтырь, учились без запинки читать святоотеческие книги, писать «уставом» (точнее, полууставом), справлять службу по Минее и петь «по крюкам». Наряду с этим обязательной частью скитской подготовки было обучение демественному пению¹, а также практика переписывания и украшения книг. П.И. Мельников с теплотой замечает, сколь приятно было Потапу Максимычу перечитывать Златоуст «с золотом и киноварью переписанный руками дочерей...», равно получать от них к праздникам рукописные цветники и сборники с изящно выведенными по краям листов «финиками» (Там же, с. 10).

Сообщения П.И. Мельникова согласуются с выводами современных исследователей, отмечающих, что на первом этапе образования дети усваивали грамоту, после чего почти сразу переходили к чтению богослужебной литературы и изучению церковного пения. И.В. Куприянова указывает, что классическая схема обучения старообрядцев (Азбука–Часослов–Псалтырь) была заимствована ими из древнерусской системы преподавания и носила весьма авторитарный характер. Согласно данным исследовательницы, освоение трех названных книг зачастую становилось первой и последней ступенью образования для староверов, поскольку крестьянство не отличалось существенными образовательными запросами, а знания Часослова и Псалтыря было достаточно для того, что удовлетворить минимальные богослужебные потребности простонародья [7, с. 65, 69].

П.И. Мельников отмечает, что укрывшиеся в волжских лесах старообрядческие монастыри предоставляли образование не только девушкам, но и мальчикам. Скитское образование виделось писателю явлением весьма неоднозначным. Обители благотворно влияли на уровень народной грамотности, однако, по утверждению Павла Ивановича, зачастую насельницы пустынь занимались просвещением исходя из сугубо меркантильных целей, надеясь склонить своих воспитанниц к принятию иночества и тем самым укрепить благосостояние скита за счет девичьего наследства [8, т. 1, с. 135; т. 3, с. 142–143]. Зачастую в романе близкие авторской позиции суждения вкладываются в уста Потапа Чапурина. Заметим, что именно Потап Максимыч обрушивается на Манефу с ожесточенными угрозами, заподозрив ту в намерении склонить Настю к принятию пострига.

Стоит отметить, что чаще всего скиты не занимались преподаванием основ церковной грамоты, а при-

¹ Одноголосое домашнее пение, исполняемое вне храма, не подчиняющееся уставным требованиям и характеризующееся особой виртуозностью, а также близостью к русской народной песне.

нимали детей, уже имеющих навыки чтения и письма. Об этом свидетельствуют и труды современных исследователей, выделяющих в образовании начетчиков три основных этапа: 1) домашнее обучение под руководством «мастера» или «мастерицы»; 2) восполнение религиозных знаний в старообрядческом центре; 3) освоение практики духовного наставничества [6, с. 5]. По замечанию П.И. Мельникова, даже происходившие из небогатых крестьянских семей дети, поступая в обитель, зачастую уже умели читать «поцерковному». Однако Мельников констатировал и имевшие место исключения. Так, игумен Михаил, по собственному признанию, до четырнадцати лет оставался необразованным, пока волей судьбы не оказался в заволжских пустынях, где и усвоил знания стараниями местных насельников [8, т. 3, с. 346; т. 4, с. 10].

Феномен безграмотности применительно к старообрядческому субэтносу почти не отмечен в трудах П.И. Мельникова-Печерского. Тем не менее данный вопрос поднимается в повести «Гриша», где главный герой, лишенный иных возможностей приобщиться к грамоте, в юном возрасте был вынужден учиться читать самостоятельно. Весьма показательным, что в последующем «раскольник» Гриша кормился тем, что за плату читал *Псалтирь* и Четьи-Минеи в домах состоятельных, но неграмотных «никониан» (Там же, т. 2, с. 320).

Наконец, Павел Иванович несколько раз упоминает о столь непопулярном в среде «староблюбцев» способе освоения грамоты, как светское образование. Повествуя о судьбе Сергея Колышкина, Мельников отмечает, что, будучи ребенком, Сережа был вынужден не раз тайком сбегать из отеческого дома в заводское училище. Родители Колышкина не отпускали сына в «бусурманское» училище, объясняя это тем, что преподают там «бритоусы». Следует отметить, что выбор наставника представлялся староверам ключевым вопросом организации обучения. Учитель должен был не только на должном уровне владеть грамотой, но также соответствовать высоким идеалам нравственно-этического характера: «не подобает неиспытанному в вере учителем других быть...». Когда барин замечает неординарные способности Сергея к наукам и решает отправить того в Петербург, родители яростно сопротивляются этому решению, умоляя не «поганить» ребенка нечестивым учением. Впоследствии семья Колышкина полностью обрывает всякую связь со своим сыном, воспринимая того отныне не иначе как иноверца (Там же, т. 3, с. 377, 379; т. 6, с. 162).

Сходную картину писатель демонстрирует в продолжении романа, повествуя о жизненных перипетиях Карпа Алексеича Морковкина. Так, с повелением гражданских властей об отправке определенного количества крестьянских детей в губернское училище в старообрядческой среде вспыхивает ропот, объясняющийся нежеланием староверов предавать своих детей «осквернению». В результате крестьянами принимается решение отдать на учебу сироту-захребетника Карпушку. Следует отметить, что опасения «раскольников» оказываются не беспочвенными, поскольку годами позже Карп Алексеич возвращается из города обмирщившимся и совершенно «отставшим от крестьянства» (Там же, т. 5, с. 118–119, 121).

О значительном разлагающем влиянии «немецкого» образования на нравственность старообрядческого сообщества несколькими десятилетиями позже в журнале «Голос Церкви» писал старообрядческий мыслитель И.А. Кириллов. Он утверждал, что вместе с уравнием в правах и открытием доступа к светскому образованию староверы были вынуждены столкнуться с угрозой культурной ассимиляции инославным окружением [5, с. 123]. Согласно И.В. Куприяновой, «раскольники» предпринимали попытки противодействия обмирщению молодого поколения. В частности, для сохранения этноконфессионального самосознания своих отпрысков родители-староверы стремились самостоятельно научить их основам христианской веры и лишь после этого допускали детей в государственные учебные заведения [7, с. 69].

Следует заметить, что именно неприятие «адамантами древнего благочестия» светских училищ стало одним из главных поводов критики П.И. Мельниковым старообрядческого жизненного уклада. По мнению автора «В лесах», для достижения гармоничного сосуществования «староверцев» с окружающей реальностью необходимо усердно бороться с такими характерными чертами «раскола», как неприятие достижений современной цивилизации, искусственное обособление себя от окружающих инаковерцев, а также крайний религиозный фанатизм.

Подобного рода ментальную трансформацию на протяжении сюжета демонстрирует Потап Максимыч, сохраняющий верность «отеческим заветам» и любящий на досуге почитать душеспасительные книги, но не считающий грехом подтрунивать над абсурдным доктринерством своих единоверцев, осуждать книжников и стариц или вступать в общение с духовенством официальной иерархии [3, с. 13]. Весьма показателен в данном отношении диалог Потапа Чапурина с артельщиками-лесорубами. Именно живущие в глуши и чуждые строгому исполнению религиозно-бытовых практик мужики, весьма близкие по своей ментальности единоверию, открывают умудренному древними книгами староверу Чапурину тонкости обращения с компасом. Особое восхищение старого купца вызывают дядя Онуфрий и юнец Петряйка: «Мальчишка, материно молоко на губах не обсохло, и тот премудрость понимает, а старый от писанья такой гордый, что пожалуй Манефе так в пору» [8, т. 3, с. 285, 287].

Следует полагать, что посредством данного сюжета П.И. Мельников стремился продемонстрировать необходимость преодоления староверами вероисповедных предрассудков, примирения с инославной средой, а также взаимного культурного обмена между старым патриархальным русским миром и прогрессивными веяниями Нового времени. При этом старообрядчество, по мнению Павла Ивановича, должно было первым сделать решительный шаг навстречу цивилизации, подобно единоверию, отказавшись от вековой фанатичности и догматизма. Именно такое поведение в конце книги обнаруживает Потап Максимыч, вопреки суровым требованиям своего согласия пустившись в пляс на свадьбе дочери.

Отметим, что выводы П.И. Мельникова о состоянии образования в старообрядческой среде весьма

совпадают с наблюдениями другого крупного этнографа XIX в. – А.С. Пругавина. В отличие от Павла Ивановича, стоявшего на консервативных позициях, Александр Степанович придерживался революционно-демократических взглядов и испытывал видимое сочувствие к притесняемым российскими властями «религиозным вольнодумцам». Идеологические предпочтения этнографа в значительной мере определили восприятие им процессов, происходивших в интеллектуальной жизни старообрядческого сообщества. Пругавин признавал «раскол» явлением глубокого умственного процесса. Вразрез с официальной церковной традицией, видевшей в староверии «лишь одну тупую любовь к старине, привязанность к букве <...> плод невежества, противодействие просвещению», Александр Семенович усматривал в старообрядцах интеллектуальную элиту русского простонародья, тяготеющую к знаниям и ничему не верившую на слово [10, с. 161–162; 11, с. 91].

Подобно П.И. Мельникову, рассматривая проблему ретрансляции грамотности в среде староверов, А.С. Пругавин ссылается на наличие в скитах обширной сети школ и библиотек, предоставлявших крестьянским детям бесплатное образование, а зачастую и обеспечивавших обучающихся необходимыми учебными принадлежностями (перья, бумага, чернила, книги). Александр Семенович положительно оценивает роль наставников, занимавшихся домашним обучением детей в местностях, где отсутствовали школы. Несмотря на неудовлетворенность этнографа качеством предоставляемых в скитах знаний (порой детей учили читать, вовсе не объясняя смысла прочитанного), Пругавин констатировал, что даже такое скудное образование было лучше полной безграмотности [10, с. 163, 173, 175, 177].

Однако мы можем обнаружить и некоторые расхождения в суждениях П.И. Мельникова и А.С. Пругавина относительно образовательных предпочтений староверов. Так, в противоположность Павлу Ивановичу, подчеркивавшему острое неприятие старообрядцами светского образования, Александр Семенович, напротив, отмечал готовность «раскольников» отдавать своих детей в казенные училища (Там же, с. 172). Столь значимое расхождение, по всей видимости, следует объяснять тем, что А.С. Пругавин создавал свои труды на рубеже XIX–XX вв., когда реакционность старообрядческого сообщества стремительно снижалась. Другим объяснением может служить региональный фактор. Так, непосредственное знакомство со староверами А.С. Пругавин приобрел на Русском Севере, где издавна господствовало умеренное крыло старообрядческого движения – поморское согласие, отличавшееся большей лояльностью в отношении светских институтов, нежели «раскольники», проживавшие в Заволжье.

Старообрядческие публицисты рубежа XIX–XX вв. также были вынуждены признавать недостаточный уровень просвещенности староверческих общин, ставший результатом консервации педагогической практики «раскольников» и ее радикальной изоляции от альтернативных образовательных систем. Однако «защитники отеческой старины» винили в этом главным образом репрессивную государствен-

ную политику, ведь вплоть до издания Манифеста 1905 г. власти предпринимали усилия по ограничению доступа в казенные училища выходцев из староверия [5, с. 122].

Отметим, что многие из изложенных П.И. Мельниковым особенностей образования и книжной культуры «ревнителю старины» восприняты и современными представителями старообрядческого субэтноса. Так, и поныне именно кириллическая книжность играет ключевую роль в процессе трансмиссии вероисповедных знаний подрастающему поколению, является главным учителем и наставником, структурирует картину мира молодых староверов, а также устанавливает для них свод непреложных религиозно-бытовых норм [9, с. 10].

Этнографические исследования современных вятских старообрядцев зафиксировали, что создание рукописных сборников продолжает играть значительную роль в межпоколенной преемственности ими вероисповедных знаний. При этом составление сборников духовных стихов по-прежнему остается преимущественно женским занятием, на что не раз указывал в своих произведениях Мельников-Печерский. Как и в его времена, семья и духовные наставники в староверии выступают основными субъектами передачи церковной грамотности молодому поколению. При этом продолжают фиксироваться случаи освоения кириллической книжности *самоуком* 'самостоятельно' [4, с. 77–78].

Исследователи также отмечают, что учебники, пособия, азбуки и рекомендации для учителей, разработанные староверами еще в конце XIX столетия, в ряде случаев сохраняют актуальность и для их нынешних потомков. Вместе с тем, принцип неразрывности обучения и воспитания доселе остается одним из характерных атрибутов старообрядческой педагогической практики [12, с. 153, 155–156].

В процессе данного исследования удалось выявить некоторые любопытные аспекты восприятия П.И. Мельниковым-Печерским книжной культуры и образовательной модели волжских «старолюбцев». Оказывается, старообрядческая интеллектуальная культура занимала существенное место в творчестве Павла Ивановича. Посредством обращения к печатному и рукописному наследию «ревнителю древнего благочестия» писатель раскрывал характеры своих героев, объяснял мотивы их поведения, иллюстрировал происходившие в обществе культурные трансформации. Необходимо, однако, констатировать, что для всестороннего раскрытия исследуемой проблематики требуется обращение ко второй части фундаментальной диалогии писателя (роману «На горах»), а также к обширному научному наследию П.И. Мельникова.

Литература

1. Алексеева, Л. В. Локус Комаровский скит в диалогии П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» / Л. В. Алексеева // Проблемы исторической поэтики. – 2014. – № 12. – С. 328–348.
2. Боченков, В. В. П. И. Мельников (Андрей Печерский): Мировоззрение, творчество, старообрядчество / В. В. Боченков. – Ржев : Маргарит, 2008. – 348 с.
3. Боченков, В. В. Творчество П. И. Мельникова-Печерского и изображение старообрядчества в русской ли-

тературе XIX в. : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Боченков В. В. – Москва, 2005. – 16 с.

4. Воронцова, Е. В. Пути трансляции религиозных знаний в среде современных старообрядцев-беспоповцев на юге Вятского края (полевые заметки) / Е. В. Воронцова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. – 2015. – Вып. 6 (62). – С. 70–80.

5. Кириллов, И. А. О старообрядческом воспитании / И. А. Кириллов // Голос Церкви. – 1918. – № 3. – С. 120–130.

6. Кузнецова, Н. Ю. Непрерывное религиозное образование в традиционном обществе: опыт староверов России / Н. Ю. Кузнецова // Непрерывное образование: XXI век. – 2015. – Вып. 4 (12). – С. 1–13.

7. Куприянова, И. В. Наследие сибирского старообрядчества в деле формирования христианского «педагогического идеала» / И. В. Куприянова // Вестник Московского госу-

дарственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 3 (83). – С. 63–71

8. Мельников-Печерский, П. И. Полное собрание сочинений : в 14 томах / П. П. Мельников-Печерский. – Москва ; Санкт-Петербург : Изд-во тов-ва М.О. Вольф, 1897–1898.

9. Мудрик, А. В. Социализация у старообрядцев: механизмы и средства / А. В. Мудрик // Сибирский педагогический журнал. – 2015. – № 3. – С. 8–14.

10. Пругавин, А. С. Запросы и проявления умственный жизни в расколе / А. С. Пругавин // Русская мысль. – 1884. – Кн. 1. – С. 161–198.

11. Пругавин, А. С. Раскол и сектанство в русской народной жизни / А. С. Пругавин. – Москва : Тип. тов-ва И.Д. Сытина, 1905. – 95 с.

12. Скурыдина, Е. М. Народная педагогика в современной особой религиозной общности старообрядцев (духовно-нравственное воспитание) / Е. М. Скурыдина, П. В. Ерохина // Преподаватель XXI век. – 2017. – № 2. – С. 150–162.

S.S. Bytko

OLD BELIEVER EDUCATIONAL PRACTICES IN THE NOVEL BY P.I. MELNIKOV-PECHERSKY «IN THE WOODS»

The purpose of the study is to consider the peculiarities of P.I. Melnikov-Pechersky's perception of the educational traditions of the Volga Old Believers. Within the framework of the research, the author turns to biographical, cultural-historical and comparative-historical methods. The sources of the formation of the writer's ideas about the role of bookishness in the daily life of «dissenters» are established. Curious details of the educational model of the Old Believers are clarified, and the main ways of spreading literacy among the «zealots of ancient piety» are determined. The social position of the initiators is described, their role in the organization of the religious and everyday life of the Old Believer communities is revealed. The conclusion is made about the very ambiguous attitude of P.I. Melnikov to the educational traditions of the «old lovers». The writer notes the extreme dogmatization and one-sidedness of the Old Believer education, based on the patriarchal norms of ancient Russian schools and denying the achievements of modern civilization. At the same time, he points out the positive features of the Old Believers' intellectual tradition – the high culture of reading, the preservation of the ethno-confessional self-consciousness of pupils, as well as the beneficial role in overcoming the illiteracy of the common people.

P.I. Melnikov-Pechersky, education, bookishness, Psalter, Book of Hours, ABC books, Old Believers, literacy.